

В заключение — два однотипных этимологических замечания также с фонетическим уклоном. Автор, например, считает этимологически неясной фамилию *Нарышкин*, допуская связь с *Ярышкин* от *ярыжка* 'прислужник' (стр. 25), что просто необедительно. Вероятно, развитие форм шло таким образом: **Нарышкин* < **Норышкин* < *норица* 'болезнь лошадей'. Другая параллель такого же формально-фонетического развития скрывается в фамилии *Курышкин*, которую мы объясняем от известного (диал. и простореч.) *курышка* < **куричка* < *курица*, в отличие от автора, предлагавшего объяснение *Курышкин* < *Кур* < *Курил*, имя (стр. 99).

Книга Б. О. Унбегауна имеет обширный алфавитный указатель фамилий (стр. 425—525), что превращает ее в удобный и незаменимый справочник. Имеется также особый указатель окончаний (или исходов) фамилий (стр. 526—529). Важность этого руководства по русским фамилиям для русского читателя столь очевидна, что было бы весьма уместно и своевременно поставить вопрос о переводе книги на русский язык и издании ее с необходимыми поправками и дополнениями.

О. Н. Трубачев

В. И. Абаев.

Историко-этимологический словарь осетинского языка

том II, L—R, Издательство «Наука»,
Ленинградское отделение. Л., 1973, 448 стр.

Со времени выхода в свет первого тома рецензируемого словаря прошло 15 лет, и все эти годы иранисты, индоевропеисты, представители смежных гуманитарных дисциплин с нетерпением ожидали его продолжения. Историко-этимологический словарь В. И. Абаева — явление выдающееся и новаторское не только для иранистики, но, вероятно, и для других областей индоевропейского языкознания. Как подчеркивается в самом названии словаря и в предисловии к первому тому, автор не отделяет задач этимологического исследования от задач историко-лексикологических в широком смысле этого слова. Объединяя в одном труде словарь собственно этимологический и словарь исторический, автор подразумевает под последним не традиционный филологический исторический словарь, фиксирующий и прослеживающий значения слова по письменным памятникам (что для такого младописьменного языка как осетинский вообще было бы невозможно), а словарь, в котором история слова вскрывается на основе сравнительно-исторического метода, внутренней реконструкции, на основе соотнесения лексического факта с реалиями исторической жизни народа¹. Еще полнее раскрывается целевая установка Словаря в предисловии к второму тому: «. . . нами сделана попытка, — пишет автор, — впервые в лексикологической практике — совместить в одном словаре элементы пяти разных словарей: двуязычного (осетинско-русского), документированного, этимологического, исторического и реального». Все эти элементы действительно в полной мере присутствуют в Словаре: и передача на русский язык всех оттенков значения и употребления осетинского слова, и обильная документация, и этимологические сопоставления и реально-исторический комментарий. Можно добавить, что это еще и словарь диалектологический, ибо в каждой словарной статье последовательно приводятся формы и их значения по двум основным

¹ См. также В. И. Абаев. О принципах этимологического словаря. — ВЯ, 1952, № 5, стр. 56—69; [В. И. Абаев] О принципах этимологического исследования. В кн.: «Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков». М., 1956, стр. 286—307 (гл. VI).

осетинским диалектам (иронскому и дигорскому), а в случае необходимости — и по другим осетинским говорам.

Принципиальная установка В. И. Абаева на изучение языка в неразрывной связи с историей и историей культуры народа, подход к языку, к его лексике как к источнику и орудию познания истории народной жизни («от истории языка к языку истории») лейтмотивом проходят через оба тома Словаря и делают его незаменимым пособием не только для лингвистов, но также для историков, историков культуры, археологов, этнографов, фольклористов и представителей других гуманитарных специальностей. По существу, Словарь представляет энциклопедический свод сведений по истории материальной, социальной и культурной жизни осетинского народа — сведений, представленных и поданных читателю через историю осетинского слова. Не случайно поэтому уже первый том Словаря вызвал широкий интерес и длинный ряд откликов в лингвистической и историко-культурной литературе². Материалы этого тома сразу стали использоваться в многочисленных трудах по иранистике, индоевропеистике, кавказоведению, истории, археологии, этнографии, фольклору, и можно не сомневаться, что материалы второго тома приобретут столь же широкое значение.

В ходе работы над рецензируемым томом, автор продолжал пополнение картотеки Словаря, доведя роспись осетинских текстов вплоть до изданий 1969 г. (стр. 3). Последние два десятилетия были периодом интенсивного развития иранистических исследований, и во втором томе тщательно учтены как обширные новые материалы по иранским языкам и диалектам, так и многочисленные труды по иранской (и индоевропейской) этимологии, появившиеся после выхода в свет первого тома³. Достаточно сказать, что только список дополнительных сокращений в названиях языков и диалектов, научных трудов и осетинских источников составляет во втором томе 5 страниц убористого шрифта. Особенно важное значение имело пополнение Словаря новыми лексическими материалами, извлеченными из хотано-сакских, бактрийских, согдийских и парфянских текстов, а также из работ по бесписьменным иранским языкам и диалектам.

В собственно этимологическом плане второй том отличается от первого, в частности, большим вниманием к некоторым специфическим явлениям, сближающим осетинский (resp. скифский) с другими индоевропейскими языками древней Европы — славянскими, балтийскими, германскими и т. д. (см., напр., *s. v. mal, mingi(j), mīt/met, molun, p'aræ, ræġ* и т. д.). Это направление исследований, нашедшее наиболее полное выражение в книге В. И. Абаева «Скифо-европейские изоглоссы» (М., 1965)⁴, формулируется в Словаре следующим образом: «в тех случаях, когда то или иное осетинское слово не находит отклика на индоиранской почве и притом не является позднейшим заимствованием, ориентация на европейский материал, как правило, себя оправдывает. Существование «сепаратных» (т. е. не разделяемых другими иранскими языками. — *И. О.*) ареальных лексических связей осетинского с языками древнеевропейского круга (славянскими, балтийскими, тохарскими, германскими, итальянскими, кельтскими) подтвердилось

² Из известных мне рецензий на т. I назову следующие: М. П. Исаяев (ИСОНИИ, т. XXI, вып. 4, 1959, стр. 109—110); E. Benveniste (BSL, t. 56, fasc. 2, 1961, стр. 69—72); L. Zgusta (AOr, 28, N 2, 1960, стр. 333—335). См. также: М. Я. Немировский. Из вопросов истории осетинского языка, разъясняемых в историко-этимологическом словаре В. И. Абаева. — ИСОНИИ, т. XXII, вып. 1, 1960, стр. 91—101 и др. работы.

³ К сожалению, автор не успел, по-видимому, включить в свой труд материалы нового и во многих отношениях весьма важного сравнительного словаря индоарийских языков (R. L. Turner. A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages. London, 1966).

⁴ Частично напечатано также в итальянском переводе: V. I. Abaev. Isoglosse Scito-Europee. — AION, IV, 1962, стр. 27—43.

десятками новых этимологий и может считаться прочно установленным» (стр. 4).

В ряде статей Словаря содержится обоснованная критика этимологий, предложенных другими авторами (В. Ф. Миллер, Chr. Bartholomae, G. Morgenstierne, E. Benveniste, H. W. Bailey, I. Gershevitch и др.) и не учитывающих часто реального исторического фона, на котором протекает жизнь слова (см., напр., статьи *mæk'ystæg*, *medæggonæ*, *nætun*, *nostæ*, *pernæ*, *rugx*, *qast*, *ʿqom* и т. д.). Глубокие познания автора в языках и истории культуры народов Кавказа позволяют ему в ряде случаев отказаться от натянутых индоевропейских этимологий в пользу сближения тех или иных осетинских слов со словами соседних кавказских языков (см., напр., s. v. *læg*, *lyvzæ* и т. д.). Отчетливо наблюдается критический подход В. И. Абаева и к некоторым собственным, ранее выдвинутым этимологическим построениям (см., напр., s. v. *naj*, *rætæn* и т. д.).

Каждая статья Словаря представляет — в большей или меньшей степени — самостоятельное исследование и, как и во всяком этимологическом словаре, не все предложенные решения могут считаться окончательными, что, разумеется, отчетливо сознает и сам автор (см. т. I, стр. 5). В отношении некоторых сопоставлений могут быть, вероятно, высказаны сомнения, но в рамках настоящего краткого отклика нет места для обоснованной аргументации. Однако даже предварительные (под вопросительным знаком) или спорные решения дают импульс для новых этимологических разысканий, и польза их в этом смысле несомненна.

Ознакомление с первыми двумя томами Словаря убеждает в том, что в значительной мере уже осуществлен и осуществлен весьма успешно замысел В. И. Абаева о создании такого этимологического словаря нового типа, который был бы интересен не только узким специалистам, но и более широкой читательской аудитории, словаря, в котором «должен забиться пульс истории, должны выступить живые черты быта, культуры данного народа, отраженные в истории слов его языка»⁵.

Как это ни парадоксально, но научное иранское языкознание, с самого своего зарождения развивавшееся в рамках сравнительно-исторического метода, небогато этимологическими и сравнительными словарями. Иранстами не создан пока ни этимологический словарь иранских языков, ни сравнительный словарь такого примерно типа, который создан недавно для языков индоарийских (см. прим. 3). Опубликованные в конце прошлого века и весьма важные для своего времени этимологические труды по осетинскому, персидскому, белуджскому и афганскому языкам⁶ уже не удовлетворяют, конечно, требованиям иранистической науки наших дней. Сохраняет всё свое значение (особенно в отношении авестийского материала) древнеиранский словарь Хр. Бартоломэ⁷, однако Бартоломэ не ставил перед собой в этой работе собственно этимологических или компаративистических задач, ограничиваясь, как правило, краткими указаниями на родство древнеиранских слов с соответствующими словами новоперсидского или древнеиндийского⁸. Известный афганский этимологический словарь Г. Морген-

⁵ В. И. Абаев. О принципах этимологического словаря. — ВЯ, 1952, № 5, стр. 68.

⁶ H. Hübschmann. *Etymologie und Lautlehre der ossetischen Sprache*. Strassburg, 1887; P. Horn. *Grundriss der neupersischen Etymologie*. Strassburg, 1893; H. Hübschmann. *Persische Studien*. Strassburg, 1895; W. Geiger. *Etymologie des Balūči*. München, 1890 (Aus den Abhandlungen der k. bayer. Akademie der Wiss. I. Cl. XIX Bd. I Abth.); W. Geiger. *Etymologie und Lautlehre des Afghänischen* («Abhandlungen der bayer. Akademie der Wiss.» I Cl. Bd. XX, 1894, стр. 167—222).

⁷ Chr. Bartholomae. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904 (2. unveränderte Auflage: Berlin, 1961); Id., *Zum altiranischen Wörterbuch*. Strassburg, 1906.

⁸ Chr. Bartholomae. *Altiranisches Wörterbuch*, стр. XXII—XXIII.

стьерне⁹ охватывает относительно небольшую часть афганской лексики и тоже имеет уже почти полувековую давность. Из новых больших историко-этимологических работ по иранским языкам может быть назван, пожалуй, только весьма важный «Prolexis» Х. Бейли¹⁰, вводящий в иранскую этимологию значительный хотано-сакский материал. Всё остальное представлено небольшими этимологическими заметками, разбросанными по многочисленным, часто малоизвестным и труднодоступным изданиям. Между тем, обширные лексические материалы, извлеченные в последние десятилетия из вновь открытых памятников древнеиранской письменности и многочисленных новоиранских (особенно бесписьменных) языков и диалектов, настоятельно требуют своего этимологического осмысления, включения их в контекст будущего этимологического словаря иранских языков. Указанные обстоятельства еще больше повышают ценность историко-этимологического словаря осетинского языка, ибо, являясь важным этапом на пути к созданию общеиранского этимологического словаря, он в то же время может — впредь до создания такого словаря — служить ему в известной мере некоторой заменой.

Второй том Словаря (как и первый) превосходно, можно сказать, изящно издан. Всяческой похвалы заслуживает полиграфическое его оформление, стоящее на уровне самых высоких стандартов. То же относится и к редакторской работе, хотя в отдельных словарных статьях ощущается несколько «разговорный» характер изложения, не свойственный словарному труду.

Последующий том (тома?) этого замечательного труда будут с нетерпением ожидать всеми специалистами и заинтересованными читателями, и хотелось бы выразить надежду, что сроки их выхода в свет будут во много раз меньше, чем срок, истекший между выходом в свет первого и второго тома. Забегая немного вперед, хотелось бы пожелать, чтобы к Словарю (по завершении его печатания) был приложен полный индекс, группирующий весь привлеченный к сравнению материал по языкам. Такой индекс еще более повысит ценность Словаря, облегчая пользование им как сравнительно-этимологическим собранием лексики не только осетинского, но и других иранских (и не только иранских) языков.

И. М. Оранский

Е. Çabej.

Studime rreth etimologjisë së gjuhës shqipe I — XXVIII¹

Первый этимологический словарь албанского языка был составлен в конце прошлого века видным албаниологом и балканистом Г. Мейером². Этот словарь практически не потерял своей ценности и сейчас. И тем не менее частичный пересмотр старых материалов, а также необходимость

⁹ G. Morgenstierne. An Etymological Vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.

¹⁰ H. W. Bailey. Indo-Scythian Studies Being Khotanese Texts, vol. VI. Prolexis to the Book of Zambasta. Cambridge, 1967.

¹ «Исследования по этимологии албанского языка» выходили с 1960—1964 гг. в журнале «Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës. Seria shkencat shoqërore». С 1964—1968 гг. в новом журнале «Studime filologjike». Ожидается выход названной работы отдельным изданием. Рецензию О. С. Широкова на первые три выпуска см. «Этимология». М., 1963, стр. 303—306.

² G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Straßburg, 1891.